

Виктор ПРИТУЛА «Ушли, чтобы остаться»

О книге Виктора Линника
«Лики времени, знаки судьбы. Люди великой эпохи»

вернулся из Нью-Йорка, где служил собкором «Правды».

Есть такая расхожая дефиниция – «любимец публики». Скажу без всякого налёма на комплимент – Виктор Линник был любимцем не только у международников, которых он курировал, но и у всей редакции ещё недавно главной газеты Советского Союза, переживавшей тогда трудное время.

Виктор Алексеевич уже в те дни пользовался авторитетом известного американиста и мог бы с радостью быть встречен многими редакциями СМИ новой России. Но он не купился на щедрые посулы со стороны младо-горе-реформаторов. Оставался верен себе и своей газете. Но газету «Правда» захватили ахейцы Янникиос из невесты откуда возникшего на улице «Правды», 24 «тройского коня».

Верю, что ещё доведётся прочитать мемуары Виктора Алексеевича, в которых он опишет свою «долгую извилистую дорогу» от «Правды» к «Слову».

А пока мы обратимся к не совсем мемуарной (хотя в ней есть все признаки этого уважаемого жанра) книге, названной автором может быть и несколько велемечиво, но по сути верно: «Лики времени, знаки судьбы. Люди великой эпохи». Большую половину этой 600-страничной книги составляют портреты героев, встреченных автором в разное время своей жизненной одиссеи. Портреты эти не простые. Шекспир, давно уж раздёрнутый на расхожие цитаты, устами одного из героев своих пьес сказал:

*Весь мир – театр.
В нём женщины, мужчины – все актёры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.*

Портретная часть книги – потрясающий театр памяти. Сразу представляется сцена, в центре которой автор, а вокруг его герои. Их портреты говорят. Они порою делятся сокровенным, порою гневно обличают подлейшего жителя подлейшие черты, порою наставляют автора в его житейских и газетных трудностях «бороться и искать, найти и не сдаваться».

Впрочем, мне не по силам лучше сказать о них, чем это сделал сам автор. Позволю его процитировать: «Объединяла этих замечательных людей непоказная преданность Отечеству и благородство характера. Во многом расходились они, но в главном были едины. В защите непрерывности нашей великой истории и богатства самобытной культуры, человечности русской литературы, мощи гениального русского языка. Всё, что работало на их умаление, вызывало у них гнев и отторжение...».

Назову лишь несколько имен из этой портретной галереи – Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Савва Ящиков, Борис Клюев... Почти тридцать портретов, среди которых нет персонажей второго ряда, у всех главная роль. «Они ушли, чтобы остаться, ибо всегда болели за Отечество», – резюмирует Линник. И здесь хочется с сожалением отметить, что портреты могли быть куда больше, поскольку список Общественного совета газеты «Слово» украшают имена ныне живущих, да хранит их Господь! И какие имена! Это Василий Ливанов и Татьяна Дороница, Геннадий Гладков и Игорь Золотуский, Владимир Крупин и Николай Бурляев. И ещё много других не менее славных сынов Отечества.

Надеемся, встреча с ними у нас впереди, в книге ли или на страницах «Слова». И не только в «датском формате».

Вторая половина книги – эссеистика. Выше я отмечал, что Виктор Алексеевич блестящий американист, коим остается и по сей день. Но он ещё и эссеист, тонко чувствующий историю Отечества. Великая война, которую с подачи западных историографов чаще именуют Первой мировой. Война, которую стараниями «комиссаров в пыльных шлемах» сосли империалистической, продолжив её войной гражданской. Война поруганной русской воинской славы. Потом была Великая Отечественная, над которой по сей день глумятся столпы нашей «либерастической культуры» в кино и телесериалах, с возмущением обличающих тёмные силы СМЕРШа и возвеличивающих штрафбаты. Виктор Линник в поисках исторической истины не боится прослыть сталинистом. Личности Сталина, противоречивой, как сама ушедшая эпоха, в книге отводится немало страниц.

А ещё в этой книге автор откликается на события в культурной жизни страны – будь то театр, кино, книги. Он готов полемизировать, готов обличать невежество, но готов приветствовать и воздаёт должное достойным произведениям в кинематографе, литературе и драматургии.

Задаёшься вопросом: как его на всё это хватает? Ответ покажется читателям несколько неожиданным: Виктор Линник – человек-газета!

Его «Слово» – это образно «плот» Юрия Лозы. Вот уже почти четверть века главный редактор и издатель газеты «Слово» плывёт «на маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы». За это время пошли на дно дредноуты реформаторов с их карликовыми партиями и непомерными пилар-амбициями. После сокрушительных фиаско медиаманатов Гусинского Березовского доморощенные олигархи, тонко чующие откуда ветер дует, охладели в своих стремлениях быть владельцами «газет, пароходов», хотя яхты у иных с три парохода будут. Газетное дело в России – занятие рискованное. Особенно в финансовом ракурсе, если газета не сползла в эротику или почти-це того...

На долю «Слова» выпало немало бурь, дождей и проз. Но плот держится. Плот Лозы. Плот надежды. Не «Плот «Медузы»» француз-за Жерико с его отчаянной безнадёгой.

Виктор Линник сумел СПЛОТить вокруг себя великих людей великой эпохи, которые помогали и помогают ему чем могут, чтобы книга «Слово».

И эта книга дана благодарной памяти тем, кто ушёл. И тем, кто сегодня остается яркой и самобытной газетой Отечества. Ведь в начале было Слово, и Слово было Бог!

Ещё одна книга пополнила золотой запас смоленской литературы. Олег Дорогань: «Високосное время». Само название – посыл к философскому осмыслению нашей много-страдальной реальности. Поэт – это всегда взгляд, полный любви, горечи, надежды. Эта книга – именно такой взгляд, взгляд–отражение, взгляд–размышление, взгляд–призыв. Первые страницы погружают нас в пучину современных противоречий. Поэт, как никто другой, чувствует разрушающее воздействие информационного потока, отвлекающего человека от вечных истин –

*Мы у тонкой стоим
ускользающей грани
И стучат, не любя
не доаются сердца.*

Под стягами Любви будут четко выстраиваться все стихи Олега Дороганя. Бывших офицеров не бывает. «Есть такая профессия – Родину защищать». И поле битвы вечно зовет его, «и зори шелками гвардейскими

Татьяна ХАРИТОНОВА «Я доставлен на Землю – полюбить этот мир»

кровь наших павших на войне». Об-раз деда будет не раз встречать нас на страницах книги. И образ-то какой! На своём звёздном подворье «дед пашет окоём и сеет в поле звёзды».

И миссию его – защиту Отечества – подхватил внук.

В бессонном дозоре высокая планка солдата – «если нас не хоят победы, значит, мы не достойны победы». Молодой наивный курсант стоял перед огромным миром. За спиной – память, впереди – воинский долг, а потом и сожаление о рухнувшей стране.

*О бедах грядущих не ведал,
А вышло, к прискорбной печали:
Нам деды ковали победы,
Да вот сыновья их сдавали.*

Эта боль пронизывает всё творчество поэта. *Бывают наши дни лихи,
Когда скользя по тонкой грани,
И нам не только на стихи,
Сил не хватает на дыханье.*

Боль по утерянной родной земле, ставшей под чужие флаги, продолжает боль о матери, ушедшей так не вовремя (а когда наши матери уходили вовремя...): *А ещё я помню колыбельную –
Этой песни что теперь милей?
С ней мерцанье
крестика нательного
На груди у матушки моей.
Помню я качанье качельное,
Зов любовный материнских уст,
И наверно, через колыбельную
Перенял язык я тонких чувств.*

И снова горькая память, но уже о матери его сына, единственной, любимой, так рано ушедшей, и «среди ночи спохватится сердце о своей застарелой любви»: *Ты качала звезду
на пушистых ресницах,
В светлых сумерках
я прилежался – слеза.
А за окнами пели печальные птицы
И какие-то дальние шли волосы...
Потери поэта – не только шрамы на сердце, они ещё и стихи.*

Потери поэта – горькие точки осмысления хрупкости этого мира. *– Дай мне, Боже, терпенья
Постиж Твоих истин,
Дай молчанья,
чтобы выразить всю полноту
Бытия, а не бытия...
Потери поэта – обострённое желание жить и впитывать красоту Божьего мира:
Голуби поклёвывают снег.
Сколько их,
пшеничных зёрен снега,
В солнечных лучах, упавших с неба,
Голуби воркуют о весне...
Потери поэта – плач о соратниках, ушедших так безвременно, и о себе, задержавшемся на Земле...
Когда, не простившись, уйдё
(Все уходят поодионок),
В найтронутном сердце тая
Колокольню-расколотый звон,
Пожалуйста, помни меня,
Любовно отыскивай в строчках,
Не бойся, тревожь иноода
Земной запредельный мой сон.*

*А над рощами стелется,
трепетно рея,
Дым крестьянской избы –
отделившийся нimb.
Древние деревянные корни дают
импульс прекрасным строчкам:
Буду грэзди низать
Я на нить ожерельяны грусти,
И от хворей от всех
Находить во бору ключ-траву.
И от клюквенных зорь
На болотах, в лесах исцеляясь,
Словно посох – с тропы
Я в дорогу клюку подниму...
Словно странник, словно калика
перехожий, идёт по родной зем-
ле, беридит души людские:
Мноао на Руси забытых песен...
Не забыть их и не исчерпает.
Мноао и певцов по нашим весям,
Всех собрать их –
вот была бы рать.*

И главное – с Богом поэт. *Наш мир, как книга перелистан,
И споров тьма разведена,*

О поэзии Олега Дороганя

Но над ордой конкретных истин
Духовна Истина одна.
Мировоззрение его – не хаос, не набор философских изысканий, замешанных на внутреннем эгоцентризме, часто противоречащих сущности бытия:

*Аз емь язык славяно-русский.
Вновь насылаю град и гром, –
В крови запёкшиеся суегики
Здесь в каждом смысле корневом.
И опирается Олег Дорогань на великую помощь небес:
Ты водела полки, Одигитрия,
Божья мать
с младенцем Христом,
И враждебно лукавое, хитрое
Отступало пред светлым челом.*

Ты водела полки, Одигитрия,
Вновь поклещь, я тоже пойду.
Завершает книгу поэма «Крестница», – она высветила особенную грань поэта: былинную, народную, фольклорную. Высшее достижение любого автора – это принадлежность к народному творчеству, когда авторство твое растворяется в певучести русской речи, в сакральных глубинных образах. Образ Матери стоит во главе угла. Женщина, Русь, Церковь, Богородица. Вся история Руси сконцентрирована в поэме. Вечное ожидание сына, сложившего голову на поле боя. Таких сыновей полегло несметно на Куликовом поле, под Бородино, под Смоленском, подо Ржевом. Такой же мальчишка – её сын – сложил го-

лову в Чечне. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф:5:9-9). Если в глубине души человека ведётся повседневная борьба, и эта борьба направлена на то, чтобы высшее не подчинилось низшему, наступает мир: мир в душе, мир в доме, мир на улице, в городе, в стране. Об этом поэма Олега Дороганя. Образ Матери – это ещё и природа Руси, берёзы, которые, потеряв плакучесть – не до слёз, – провожают её в тяжкую дорогу; это серебряные клёны и вербы. Страница-душа – это тоже мать. И эта птица-душа «свила руки – два крыла скорбного полёта...». И тут же утешение, слушая, подпитываясь исконно русским, родным, сердечным: *Захлебнутся слезы
От плавучей нежности,
От безудержной любви,
Как от неизбежности...
И утешение, и подкрепление. И подкрепляет её Русь – своей вековой историей, своими православ-*

«Я доставлен на Землю – полюбить этот мир»

ными корнями, своим пониманием ответственности перед Крестом, который каждому уготовано донести с честью. И тоска на сердце тоже неотрывна от прошлого. *Родился в краю обильном,
Где росло и расцвело
Со своим родством фамильным
Рядом с церковью село.
С революцией свобода
Взбалтала народ
И снасла святые своды,
Уничтожила приход...
Вот он и ответ на вопрос в стихотворении о деревне:
Ты, деревня,
становишься всё нелюбимей,
Не с того ли и я
становлюсь нелюдом.*

Русь! –
твержу заклинанием росное имя,
Что уносит с собой
уплывающий нimb...
И беда на Руси тоже женского рода, и боль, и кровь. Ноша этой русской женщины – мужья-панича да горькое вдовство. И утешение – молитва. Клад, завещанный ей Святым князем Владимиром, стал ещё одним храмом, храмом Лебедью. Былинная красота, мощь и сила снова стала сущностью женщины.

*«Вот он, Храм, – душа звенела, –
Вот он, Лебедь, перед ней!».*
«Ах, легчайшее, лебяжье
Диво дивное, пребудет!
И лускай Господь укажет
Всем к нему кратчайший путь!»
Перевернула последняя страница, но книга «Високосное время» не закрыта, потому что она живая, потому что вопреки всем веяниям годов – простых и високосных, она говорит о вечных истинах. *Лишь любовь и спасает
ещё от безверья,
Бездуховной даёт
избегать нищеты.
В восхожденье прождём
высокосное время,
Обжигаясь холодным
алотком высоты.*

г. Смоленск

Александр Андрюшкин «Переводчики с русского на политкорректный»

О прозе Александра Архангельского и Михаила Шишкина

Литературовед Алексей Татаринов свою глупую недавнюю статью «Жагда словесности в пустыне беллетристики» («Литературная Россия» №18, 2021 г.) заключил такой сентенцией: «Как прекрасен десяток лет литературно молчалий Михаил Шишкин! Без иронии, поверьте...».

У меня есть версия, почему замолчал Михаил Шишкин, но о ней я скажу чуть позже. Начну же статью с разговора о москвиче Александре Архангельском, которого уверенно отнесу к писателям, не прозвучавшим в полной мере – хотя кого-то данное определение может резануть. Архангельский мелькает в литературном пространстве почти столь же плотно, как писатерский прозаик Александр Мелихов. Кажется: отрой почти любой номер либерального толстого журнала, и что-нибудь да найдёшь Архангельского. А сколько интервью, сколько было его материалов в период работы в «Известиях», а его членство в Совете по культуре и искусству при Президенте России...

Архангельский повсюду, но прозы-то он выпустил не так много, причём заботливо в конце каждого романа указал период его написания, примерно по четыре года: «Цена отсечения» (2004-2008), «Музей революции» (2008-2012), «Бюро проверки» (2014-2018)...

Возникает парадокс: если человека «очень много», то его вроде как и читать необязательно! Я сужу по себе: Архангельский настолько примелькался, что я не испытывал ни малейшего желания заглянуть в его прозу. Засел за его романы месяца два назад специально для серии статей, которую пишу сейчас о современных прозаиках, с такой мыслью: покажу, что подделом Архангельского мало читают, вытасу на свет примеры его ляпов и глупостей...

С такой предвзятостью я начал читать, и был поражен: автор-то талантлив! По-моему, один из самых остроумных и точных прозаиков в современной русской литературе!

Архангельский на наших глазах разыграл «комбинацию раздвоения»: в политических высказываниях он предстаёт как либерал-западник (на одном из заседаний Совета по культуре спорил с Путиным, требуя снять все обвинения с режиссёра Серебренникова), а в прозе Архангельский совсем другой, он почти вплотную подходит к правдивости и почти отказывается от политкорректности... Почти – но всё-таки останавливается на некоей черте!

Помнится, так поступали и советские «классики»: с официальных трибун говорили о ленинизме, а, садясь за прозу, отдавали прочь идеологию: «Теперь я напишу жизнь такой, какая она есть». Но если ты слишком часто говоришь о том, что «социализм спас человечество», то эта и подобные ей идеологии

просочатся в любую, якобы самый правдивый художественный текст.

Так произошло, увы, и с Архангельским... Я бы хотел оставить в стороне его последний роман «Бюро проверки» (в 2018 году вошёл в число финалистов «Большой книги»). Произведение повествует о молодости автобиографичного героя, но ретроспективный анализ советской эпохи, по мнению многих, чересчур затянулся, мы буквально застряли в нём памяти. А вот два романа Архангельского о современной капиталистической России («Цена отсечения» и «Музей революции»), по-моему, блестящи, и я бы назвал их почти идеальными образцами современной художественной прозы... Если бы – всё-таки! – не уступка Архангельского политкорректности. Он её почти отбросил – но не совсем. (Слово «почти», увы, будет ещё повторено в этой статье.)

Оба романа, если коротко, – о состоянии среднем классе сегодняшней России и даже краешком – об очень богатых. Работая заместителем главреда «Известий», Архангельский был вхож в самые закрытые и высшие сферы... Оба произведения не чужды описаниям и так называемого «большого секса», то есть состоятельные и успешные «он» и «она» решают личные проблемы или просто «крутят любовь»: *«Начало всякого романа – испытание; мужчина должен остроумничать, женщина показывать холерную строптивость, оба дьявольски напряжены, следят за каждым своим шагом, смертельно устают от этих масок, но не решаются их снять. Как же! А друг не поймет... И только через месяцы, через два получают право быть, какие есть».*

Согласимся: эта тема – одна из важнейших в литературе, и все классики Золотого века (включая даже Гоголя в «Женитьбе») отдали ей должное. А вот современная словесность... Не слишком ли она насыщена подозрительно бойкими девицами, с одной стороны, и унылыми антигероями-мужчинами, с другой? Боевые героини в прозе Архангельского тоже мелькают (девушки его умеют совершать «бизнес-наездны»); что же касается мужчин, то они скорее – удачники, не столь уж частое явление в серьёзной прозе.

Эта удача, думается – в генах и героев, и самого Архангельского... В посвящённой сыну книге «Послание к Тимофею» он следующим образом описывает их с сыном греческих предков:

«Твой прапра-прадед Иоанн Константинович Демулица... Лицо ясное, но жестковатое. Суровый был человек, сразу видно; иначе и быть не могло. Шестнадцатилетней... По-русски он говорил плохо, но в земельном банке, который основал его богатый критский кузен, хлебороговец, по-русски говорил и не требовалось. Греческая мафия чужих к своим счетам не подпускала, бухгалтерские книги контролировала сама, на всех ключевых постах сидели дальние родственники хлебороговца... Бабушкин дядя Серёжа. Женился на еврейке, за что был изгнан из греческого дома, следы теряются в негях...».

Итак, конкурирующие разновидности «хищников» – вот успешные мужчины в прозе Архангельского. Не будем притворяться: современная Россия (весь мир?) имеет такое устройство: наиболее удачливы порой (не всегда!) бывают представители не большинства, но этнически меньшинств, тех или иных. Кстат, в обоих разбираемых романах греческая тема отсутствует, но наличествует принадлежность героев к некоему обобщённому меньшинству (меньшинство как идея). Герой-олигарх из «Музея революции» носит фамилию Ройтман; генетическая экспертиза говорит ему, что он не еврей, тем не менее, он бежит в конце концов из России в Израиль. Героя «Цены отсечения» зовут Степан Агбарович Мелькисаров – в его генетику Архангельский даже не заглядывает, как видно, боясь в ней утонуть.

Я, в свою очередь, не буду углубляться в сюжеты обоих романов. Это бизнес-конфликты с национально-этнической подкладкой, и давайте спросим: много ли в России писателей, способных со знанием дела раскрыть эту тему? Архангельский уникален, и я от всей души желаю ему, как прозаику, новых успехов. Он всегда был стопроцентным реалистом (никаких постмодернистских приёмов), и, если он напишет что-то ещё о современности, я рискну заранее и не глядя объявить это успехом.

Меня спросят: в чём же тогда зловредная политкорректность, которую я вижу в его прозе? В качестве ответа процитирую описание хлебного поля в одном из романов Архангельского:

«В зелёную устатую пшеницу заплетались нагие побеги дикого горошка; нежные цветочки куколя и ядовитые головки васильков приглядывали за колосьями, а на глинистой обочине пшеницы вяло подгирали отцветшие маки».

Как видим, здесь пшенице посвящена лишь краткая фразочка, а разного рода плевелы перечислены старательно. Отсюда и пожелание: больше всё-таки говорить об этой основной сельскохозяйственной «культуре», то есть о «пшенице» нашего многонационального народа.

Перейдя к Михаилу Шишкину, я скажу сразу и без интриги: замолчал он, по-моему, потому, что слишком долго живёт за границей и просто разучился мыслить и писать по-русски.

Дай Бог, чтобы я ошибался, но ведь бывали случаи, когда граница душила писателя. Даже гениальный Гоголь, хотя и реалс в Россию, но почему-то застрял на Западе, и не это ли привело его к душевному недугу и преждевременной смерти?

Позволю себе напомнить творческий путь Михаила Шишкина. Известность в либеральных кругах ему принёс роман «Взятие Измаила» – типичное постмодернистское произведение с несколькими рыхлыми сюжетными историями, расположенными настолько, что теряется даже единство темы. Хотя некую магистральную линию в романе всё-таки можно заметить, и она связана с заглавием. «Взятие Измаила» это название циркового номера, с идеей которого носится некий сумасшедший еврейский мальчик; он мечтает, чтобы макет крепости штурмовали дрессированные мыши.

Шире говоря, «Взятие Измаила» следует понимать как штурм цитадели, считающейся неприступной; как замысл писателя на вопрос (еврейский), который не только «поднимать», но о котором даже задумываться в современном мире считается непolitкорректным, страшным (настолько жёстко табуирована эта тема). А вот Шишкин – осмелился, он высказал довольно ясно прочтываемое отрицательное отношение к евреям как этносу; не прямо, но через одну из сюжетных линий.

Русскую женщину, только за то, что она неоднородно относится к евреям, врач этой национальности запикивает в дурдом. Ничего кроме возмущения действия психиатра, конечно, вызвать не могут, но не лежит ли часть вины и на возлюбленном этой женщины? Нерешительный русский мужчина мог бы вытащить её, но он соглашается, чтобы её излопировали... После того, как к ней применили разные виды издевательского «лечения», спасти её, конечно, становится поздно.

Горький сюжетный ход и даже страшный; настолько, что Шишкин – представляется – сам

испугался написанного и постарался переплести указанную историю с множеством других, бессмысленных либо глупых. Здесь и какое-то выездное заседание суда, и какие-то Велес и Мокошь (непонятно, люди или божества), и огромное количество рассыпанных в тексте руссофобских высказываний (при том, что нет ни одного антиеврейского).

Всё тонет в тумане недоговорённостей, мнимой многозначительности... Хотя ничего непонятного нет в пассажах типа следующего, в котором Россия названа «животным» или «зверем», который характеризруется так:

«Разлёгся на широтах, как на скрипучих полицах, положил тебя между лап и целует: дитяток ты мое! Меня, предупреждает, поперывай хвостом, умом не понять, в меня, крошечка ты моя, только вершты! Вот и вершты, хоты и боишься, что голову отарыгнет. Зверь ведь».

Кто это говорит и по какому поводу – столь же маловажно, как и то, куда путешествовали члены суда для выездного заседания и почему они названы именами Сварог, Велес и Перун. Постмодернизм вообще враждебен прямым толкованиям. Подобные сентенции встречаются и в авторской речи, и в репликах героев, вот монолог некоей Маши, тоже о России, в том же духе: *«... живут в войне, пьянстве, скотстве, тьме, невежестве, месяцами зарплату не получают, детям соли не утрут, но за какую-то японскую скалу удавятся, мол, наше, не замей...».*

Таков роман «Взятие Измаила». Шишкин сделал всё, чтобы высказать некую магистральную мысль и в то же время скрыть, «заболтать» её; это оценили в журнале «Знамя», где впервые опубликовали роман; оценили и в тех кругах, где решают, присваивать ли премии. И каждый новый роман Шишкина после «Взятия Измаила» награждался премиями.

Автору этой статьи два последующих романа Шишкина («Венерин волос» и «Письмовник») представляются двумя нисходящими ступенями. Каждый последующий – слабее предыдущего... А общий итог – молчание.

Напишет ли Шишкин ещё что-то существенное, или политкорректная вариация на известную тему («Взятие Измаила») так и останется его высшим достижением?

Санкт-Петербурге, июнь 2021 г.